

Андрей Львович Ливадный

Свидание с Богом

Аннотация

Война закончилась. Саморазвивающиеся кибернетические системы остаются брошенными на произвол судьбы. В глубинах космоса дрейфует разрушенная станция, где ведут борьбу за существование пережившие войну машины. Кто является для них высшим существом и способны ли кибернетические рассудки помнить о своих создателях?

Глава 1.

Охотнику было лет триста, не меньше.

Сам он никогда не задумывался о

своём возрасте — там, где нет смены дня и ночи, времен года и прочих признаков течения времени, само понятие об этом теряет свой смысл. Он просто был, а сколько продолжалось данное существование и какой срок ему отпущен в будущем, такие вопросы просто не волновали его.

До выхода на поверхность Охотника, как обычно, провожали два маленьких «Хоплита». Один бежал впереди, а другой сзади, освещая темный тоннель рассеянным светом плечевых фонарей. Это являлось их обязанностью, выполнение которой придавало двум небольшим созданиям огромный вес в обществе. Охотник знал: любой житель уровня «С» был бы рад оказаться при деле, но найти подходящую работу удавалось далеко не всем. Не зря, после последнего возвращения с поверхности, Ремонтник, придирчиво осматривая его

броню, долго и нудно брюзжал по поводу того, что не нашел на ней ни одной более или менее свежей царапины, которую стоило бы латать.

Самым страшным для любого обитателя уровня являлась перспектива вдруг остаться не у дел, застыть где-нибудь в углу бессмысленным и бесполезным изваянием, до которого уже никому и никогда не будет дела...

«Нужно постараться допустить какую-нибудь оплошность», — рассудил про себя Охотник, приводя в действие механизм внушительного люка, который запирал выход на поверхность. Хотелось доставить несколько приятных минут старику, который всегда хорошо относился к тем, кто нуждался в его помощи. Для Охотника еще оставались памятными те дни, когда он был молодым, задиристым и неопытным, а потому

часто возвращался с поверхности с серьезными повреждениями. Тогда Ремонтник еще находился в силе. По поводу и без повода разжигая все свои плазменные горелки, он с истинным наслаждением латал покалеченную на поверхности броню Охотника, щедро расходуя свой запас материалов, в то время как молодой Охотник с благодарностью взирал на его работу. Остаться калекой — незавидная участь, и в ту пору он относился к Ремонтнику с неким обожанием.

Теперь времена уже давно не те. Во-первых, на поверхности перевелась вся крупная и опасная дичь. Во-вторых, Охотник накопил столько опыта, что уже не подставлял свои порядком поизносившиеся бока под шальной залп какой-нибудь одичавшей стаи ходячих лазеров. Таких придурков он обходил стороной, мало ли что на уме у носатых

и несерьезных двуногих пушек, им лишь бы палить по сторонам, разбрасывая дорогую энергию, — откуда только берут ее?

Размышляя таким образом, Охотник вышел на поверхность.

Звезды висели над головой, щедро усыпав бескрайнюю черноту серебряной пылью точек.

На фоне этих холодных искр медленно двигалась темная масса. По мнению «Хоплитов», на одном из которых еще сохранились лазерные дальномеры, до этой темной глыбы металла было не меньше сорока километров. Про нее рассказывали всякие небылицы: будто кто-то из старых, уже развалившихся обитателей внутреннего анклава как-то раз видел при помощи инфракрасной оптики просвечивающее сквозь внешний слой брони яркое пятно работающего внутри

реактора... Сказки, конечно, но все равно приятно. Эта темная глыба на орбите придавала каждой вылазке особый таинственный смысл. Охотник был натурой романтичной, он любил думать о том, как найдет однажды нетронутый бак с реактивным топливом и сможет совершить прыжок к этой темной массе. Может быть, там внутри действительно до сих пор работает реактор? От этой мысли ему всегда становилось не по себе. Найти постоянный источник энергии. Это была заветная мечта любого обитателя станции.

Пока что концы с концами удавалось сводить исключительно за счет охоты, да еще — вторично используя совершенно истощенные химические элементы, запасы которых раньше занимали два огромных складских помещения, а теперь кончились, так же

как и все в этом мире. Но пока работал Центральный Процессор, он успел обдумать данный вопрос и велел собирать истощенные химические батареи, которые в более благоприятные времена просто бросали там, где происходила замена. Теперь их искали, разбирали и их содержимым наполняли специальные ванны, в которых истощенные реактивы, оказавшись в больших количествах, еще могли вырабатывать ток.

Света на поверхности станции не было уже давно. По иным меркам освещенность старой конструкции можно было назвать «мягкими сумерками» на одной стороне и абсолютным мраком на обратной.

Источником слабой лучистой энергии служила, естественно, звезда, но она располагалась так далеко, что ее лучи едва разгоняли темноту, согревая

обшивку Древней конструкции на величину, лишь в несколько градусов отличную от абсолютного нуля.

Впрочем, для Охотника это казалось совершенно привычным и нормальным.

Выбравшись из люка, он немного постоял под рассеянным, холодным светом далеких звезд, а потом повернулся и медленно пошел в сторону внешних причалов космопорта станции.

На данное зрелище стоило посмотреть. Окажись тут волею случая человек, хоть сколько-нибудь сведущий в космической технике и истории, то он был бы поражен и самим видом издавшей лучшие времена древней конструкции, и тем, что происходило на ее поверхности.

Один вид целеустремленно шагающего по своим делам древнего боевого робота класса «Фалангер»

вверх бы в шок кого угодно, не говоря уже о том, что он не просто хорошо сохранился и выглядел вполне исправно, но и вдобавок ко всему казался озадаченным какой-то ведомой лишь ему целью...

Охотник действительно знал, куда и зачем идет. В нескольких километрах от выхода на оболочку из покато́й, сферической оболочки огромной космической станции выступали циклопические постройки разрушенных вакуум-доков. Когда-то тут принимали с борта причаливших кораблей руду, которая затем шла в переработку. Станция, отправленная в глубокий космос по соображениям секретности, работала на войну, и основной ее продукцией являлись огромные ромбовидные плиты брони, которые в последующем шли на обшивку боевых кораблей.

Война закончилась около трех веков назад, но все эти исторические факты не были известны шагающему по поверхности древней конструкции роботу. Более того, они не интересовали его и не имели, по представлениям машины, никакого практического смысла.

Добравшись до первого разлома, параллельные стены которого наклонно уходили вглубь, робот остановился, внимательно изучая окрестности своим единственным глазом.

Раньше у Охотника их было целых пять — два впереди, один сзади и еще два видеосенсора располагались по бокам корпуса, но теперь из пяти видеокамер осталась одна, да и та что-то заедала в подвижном гнезде, охотнее поворачиваясь вправо, чем влево.

Из-за этого ему приходилось поворачиваться всем корпусом, чтобы

взглянуть по сторонам.

Вот и сейчас, стоя у начала пологого многокилометрового пандуса, по дну которого был проложен монорельс, предназначенный для давно вышедших из строя складских вагонов, он медленно поворачивал свой торс, обозревая панораму застывшего и разрушенного космопорта.

Взгляду Охотника открывался дикий урбанистический пейзаж, щедро пополненный следами отгремевших тут некогда боев: над изгибающейся поверхностью Станции высились решетчатые стрелы разгрузочных кранов, между ними зияли черные провалы пустых пакгаузов, между выступающими наружу надстройками пролегли ровные, изломанные под прямым углом на перекрестках линии дорог, поверхность которых до сих пор оставалась намагниченной и

присасывала к себе все металлические предметы... кое-где из продырявленной ракетами обшивки плавно вспучивались купола старых защитных систем, некоторые из них очень давно превратились в расплавленные бесформенные кляксы застывшего замысловатыми потеками металла.

Дальше следовал целый лес разгрузочных стрел, с которых во все стороны свисали обрывки стальных тросов, и все это было изрезано узкими расселинами спускающихся вниз, в недра станции пандусов, замысловатых, образующих многоярусный лабиринт транспортных развязок и прочих вспомогательных коммуникаций.

Настоящие джунгли, в которых можно запросто сбиться с пути и бесконечно блуждать по многоуровневым переходам, изредка попадая в пустые или же наполненные

рудой склады.

Насколько знал Охотник, дальше за космопортом простиралось пустое, изъеденное язвами ожогов пространство, заканчивающееся колоссальным провалом — воронкой с коническими, оплавленными адской температурой краями, которая образовалась в момент взрыва ядерного реактора станции...

...Не заметив ничего достойного внимания, он свернул вправо от ведущего вниз разлома, с тем чтобы обойти зевы пакгаузов и оказаться подле стреловидного решетчатого леса.

Поступь намагниченных трехпалых ступоходов старого «Фалангера» отдавалась по обшивке древней конструкции ощутимой, вибрирующей дрожью.

Проходя мимо трехэтажного административного здания с выбитыми

бронестеклами в панорамных окнах, Охотник случайно зацепился спаренными стволами вакуумных автоматических орудий за переплет пластиковой рамы, вырвав ее из гнезда. Остановившись, он заглянул внутрь темного помещения, но его видеосенсор не различил в полумраке ничего необычного — мертвые диспетчерские пульта, несколько парящих в невесомости операторских кресел и вездесущие тучи разного мусора, неподвижно висевшие статичными облаками хлама.

Пушки в последнее время очень раздражали Охотника. Снаряды к ним давно кончились, и теперь они торчали по бокам торса, только мешая при ходьбе в узких проходах, но Ремонтник наотрез отказался удалить их. Он мог только восстанавливать, но никак не калечить, это качество строго

регламентировалось заложенными в него программами, а что такое базовые программы, Охотник знал не хуже других. Нарушить их не было никакой возможности, да это и не пришло бы в голову ни одной машине, иначе как можно будет существовать дальше, если вдруг что-то случится с основой основ, дающей смысл каждому действию? Он видел машины, у которых отказала долгосрочная память, — они становились тупыми и беспомощными, бесцельно дергались, крутились на месте или просто шли по прямой, пока не встречали на своем пути препятствие...

Вообще, с оружием надо что-то решать, да и со зрением тоже. С тех пор как отказал последний маломощный лазер, Охотнику приходилось справляться со своим делом в полном смысле «голыми руками», что давалось

ему нелегко, учитывая габариты, вес и неуклюжесть боевой машины, рассчитанной в основном на дальние дистанции стрельбы.

Но жить-то надо. Приходилось приспособливаться.

Часа через полтора движения Охотника стали менее уверенными и мощными. Запас энергии в накопителях стремительно таял, а он не нашел еще ничего стоящего внимания и охоты. Один раз тусклое око его видеосканера зацепилось в чаще решетчатых конструкций за силуэт одиноко пасущегося шагающего крана, который угрюмо ковырял обшивку своим длинным стреловидным носом, но нападать в таком состоянии Охотник не решился. Кран, судя по его движениям, был вполне исправен, да и подобраться к нему в теснине решетчатых ферм совсем непросто — чего доброго,

заметит да долбанет раскачивающимся во все стороны полутонным крюком, болтающимся на коротком, но прочном мономолекулярном тросе... Нет, сначала нужно найти что-нибудь попроще, и хоть немного подзарядиться, а уж потом думать, как подобраться к такой крупной добыче и обезвредить ее, используя лишь сервоприводную энергию титановых мышц...

Рассудив таким образом, Охотник обошел опасный участок стороной. Вообще-то, если соизмерить его мыслительные процессы мерками живых прототипов, в последнее время «Фалангер» чувствовал себя не вполне нормально. Здесь уместна аналогия со старым, но еще полным сил львом, у которого выкрошились зубы, обломались когти, исчезла былая стремительность и опасная грация

движений, присущая Царю Зверей. И вот, этот некогда грозный хищник вынужден на склоне лет заниматься ловлей мелких грызунов или, того хуже, выискивать там, где он когда-то был полноправным властелином, остатки чьего-то обильного пиршества...

Однако сегодня Охотнику повезло. После долгих и бесплодных блужданий по «местам боевой славы» он вдруг наткнулся на щедрый и неожиданный подарок судьбы.

Этим подарком оказался Кронг, одиноко устроившийся на самой макушке длинной фермы обслуживания в одном из ремонтных доков космического порта станции.

Вообще-то Охотник справедливо полагал, что глупые ходячие лазеры — этот пришлый бич станции, давным-давно вывели всех Кронгов, но,

оказывается, он ошибся — накопитель сидел на самой макушке фермы, растопырив свои ажурные поглощающие уши, и преспокойно всасывал реликтовый водород из окружающего пространства. Старому «Фалангеру» даже показалось, что он видит свисающий вниз от цилиндрического туловища накопителя короткий заправочный кабель.

Охотник медленно и очень осторожно двинулся вперед.

Через некоторое время, подойдя ближе, он заметил, что с другой стороны к ферме, на которой сидел накопитель, подбираются конкуренты.

Это был целый выводок наглых, бродячих Излучателей. Если бы не они, то жизнь на станции была бы куда лучше. Программы запрещали уничтожать Кронгов, относя их в разряд полезных для выживания

агрегатов. Накопители следовало периодически опустошать и снова сажать на место, чтобы они могли продолжать свое полезное и жизненно важное занятие по сбору и внутренней конвертации нейтрального водорода, но разве для этих ходячих безруких недоумков писан хоть один цивилизованный программный закон? Естественно, они не могли вскарабкаться на ферму обслуживания. Под силу им было только сбить оттуда несчастный накопитель, потом высосать из него всю накопленную энергию и бросить омертвевший механизм...

В данной ситуации «Фалангеру» оставалось лишь горячо поблагодарить свою внутреннюю базу данных за то, что эти шагающие механизмы определены в графу «десантированных вражеских машин». Это предоставляло

ему полную свободу действий.

Чем он и воспользовался с яростным удовлетворением.

На свою беду, стайка из пяти шагающих лазеров была так увлечена *подкрадыванием* к беззащитному Кронгу, что не заметила неумолимо надвигающегося на них сбоку «Фалангера». Будь у того хоть несколько снарядов в обоймах вакуумных орудий, то носатые обидчики беззащитных Кронгов почувствовали бы на себе всю силу праведного гнева Охотника, но, увы... Его пушки уже давно годились лишь для выбивания уцелевших стекол в окрестных надстройках...

Зато у него были руки. Какие-никакие, а вполне пригодные для того, чтобы переломать ступоходы беспринципным браконьерам. Конечно, два грузовых манипулятора,

выдвигающиеся из-под боковых оружейных пилонов «Фалангера», мало походили на универсальные конечности приматов или людей, но все же они имели по одному шарнирному локтевому суставу и клешнеобразные подвижные захваты на концах.

В отсутствие оружия приходилось изворачиваться. Охотник знал, что, несмотря на кажущуюся беспечность, лазеры не подпустят его на дистанцию удара, а если у них достаточно заряжены батареи, то могут и изрядно покалечить его жалящими уколами ослепительного, когерентного света.

Воспользовавшись тем, что в вакууме полностью отсутствует звук, он выпустил клешни и ухватил ими ближайшую крепежную штангу, которая поддерживала на весу давно обесточенную и потому бесполезную гроздь прожекторов.

Мощным рывком вырвав ее из обшивки станции, «Фалангер» на секунду замер, пока его внутренние системы обсчитывали новый центр тяжести, сместившийся в результате того, что в манипуляторах Охотника теперь оказалась зажата десятиметровая решетчатая дубина.

Лазеры, ощутив заметное колебание обшивки, обеспокоено вскинули свои непомерно длинные, униженные изоляторами и излучающими линзами носы. Заметив надвигающегося на них двадцатиметрового «Фалангера», они издали дружный, заполошный радиовизг и кинулись врассыпную, пытаясь скрыться в решетчатых джунглях, образованных сотнями заправочных и обслуживающих ферм ремонтного дока, что некогда подсоединялись к брюху зависающего над ними космического корабля.

Охотник ринулся следом, вломился в решетчатую чащобу, оставляя за собой просеку погнутого металла, но Излучатели уже скрылись...

Он остановился, пытаясь при помощи функционирующих сенсоров определить, куда делись ходячие длинноносые пушки, но в металлической чаще подобное сканирование оказалось бесполезной тратой бортовых ресурсов, металл отражал и множил сигналы, внося на экран радара полнейшую неразбериху разноцветных точек.

Прекратив преследование, Охотник развернулся и посмотрел вверх. Кронг по-прежнему сидел на самой макушке заправочной фермы. От его корпуса вниз действительно свисал размотавшийся из бухты полутораметровый отрезок заправочного кабеля с контактными

разъемом на конце.

Если истощенная машина способна ощущать голод, то сейчас Охотник почувствовал именно его. Это было сводящее с ума острое чувство энергетической недостаточности, которое накатилось, как приступ дурноты у голодного человека. Его движения вдруг стали вялыми, индикационные панели внутри пустой рубки едва светились, механические псевдомускулы будто налились свинцом...

Если бы не мизерная сила тяжести на поверхности станции, то ему нипочем бы не достать оседлавшего макушку сорокаметровой фермы Кронга.

Поджав ступоходы, «Фалангер» лег передней частью своего торса на наклонную поверхность заправочной фермы, вытянул вперед манипуляторы, впившись клешнями захватов в

ближайший переплет металлической конструкции, и медленно, метр за метром, пополз вверх...

Полностью сосредоточившись на этом, совершенно не свойственном для грозной боевой машины занятии, он не видел, ни вновь закопошившихся в решетчатой чаше Излучателей, ни яркой,двигающейся по угольно-черному полотнищу космоса искры, которая постепенно увеличивалась в размерах, медленно превращаясь в освещенный пламенем маршевых двигателей корпус космического корабля, такого же древнего и дряхлого, как и сама космическая станция, к которой, судя по всему, был проложен его курс...